

Стихотворение «Элегия» («Стукнул по карману – не звенит»).

Архивная история написания, ранние варианты и устоявшиеся версии стихотворения.

К постановке вопроса о многовариантности лирики поэта

Начнём необычно. Стихотворение «Элегия» к счастью для исследователей оказалось записанным на магнитофонную ленту. Мы можем послушать авторское исполнение этого произведения поэтом Николаем Рубцовым. Эту запись осуществил Б.И.Тайгин в 1962 году среди 12 стихов, начитанных тогда поэтом Рубцовым. Все признаки интонации, голоса молодого поэта говорят за это. Само читаемое стихотворение полностью соответствует варианту из ГАВО (Государственный архив Вологодской области) [1]. Обозначим его, как вариант первоначальный (первый).

Стукнул по карману – не звенит,
Стукнул по другому – не слышать.
В коммунизм – таинственный зенит –
Полетели мысли отдыхать.
Но очнись, и выйду за порог,
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.
Память отбивается от рук,
Молодость уходит из – под ног,
Солнышко описывает круг,
Жизненный
Отсчитывает срок...

В стихотворении сохранена пунктуация архивного документа. Посвящение брату Алику Рубцовым не озвучивается, нет его и на первой печатной версии из ГАВО. В сборнике «Волны и скалы» выпущенном самиздатовским способом Борисом Тайгиным в 1962 году в количестве шести (6) экземпляров данное стихотворение датируется мартом 1962 года, указывается место написания (возможно, имелось в виду именно этой версии) – город Ленинград. Стихотворение «Элегия» занимает явно особое положение в сборнике, ибо публикуется первым в разделе «Вместо предисловия» и с посвящением «Брату Алику». Разночтений с первым вариантом из ГАВО несколько. Построение стрóf, знаки препинания несколько изменены в сборнике. Вместо строчки «В коммунизм – таинственный зенит», в сборнике «В коммунизм – безоблачный зенит». Видимо под воздействием тогдашней идеологии, говорить о коммунизме, вообще – то таинственной сущности человечества, следовало как о безоблачной сущности. Тайгину или Рубцову, но это пришло им в голову, и исправление в печатном варианте состоялось. Надо сказать, что и до сих пор эта сущность коммунизма скорее таинственная, нежели безоблачная. Никто пока не жывал при коммунизме, и эта теория на практике никем не проверена. Однако неприятностей по поводу эпитетов желаемого строя можно было обрести в полной мере в те годы – это факт. То, что Николай Рубцов исправляет эпитеты понятия «коммунизм» это очень понятно. Н.С.Хрущёв, вначале 60-х годов 20 века, всерьёз намеревался построить его в СССР и шутить с этим было нельзя. Следующий принципиальный вариант стихотворения «Элегия» из ГАВО обозначим как вариант второй. Рубцов со свойственным ему молодым оптимизмом ищет новые ходы в стихотворении [2]

Стукнул по карману –
Не звенит!
Стукнул по – другому –
Не слышать!
В коммунизм –
В безоблачный зенит
Полетели мысли
Отдыхать.

Я очнусь и выйду
За порог,
И пойду на ветер,
На откос
О печали
Пройденных дорог
Шелестеть
Остатками волос...

Память отбивается
От рук.
Молодость уходит
Из – под ног.
Солнышко описывает
Круг –
Жизненный отсчитывает
Срок.

Стукну по карману –
Не звенит!
Стукну по другому –
Не слышать!
В коммунизм –
В безоблачный зенит
Улетают мысли
Отдыхать...

Итак, первый вариант из ГАВО и из сборника «Волны и скалы» отличается от второго варианта из ГАВО тем, что первое четверостишие повторяется как четвёртое. Прошедшее время «полетели мысли», «стукнул по карману» преобразуется в настоящее время «улетают мысли» и «стукну по карману» в последнем четверостишии. Обратите внимание на то, что Николай Рубцов переставляет местами второе и третье четверостишия по сравнению с вариантом первым. Строчка «но очнусь, и выйду за порог» даётся во втором варианте как «я очнусь, и выйду за порог». Конечно, меняется разбивка строф, они отделяются друг от друга. Получается совсем другой ритм стихотворения и в этом весь Рубцов ленинградского периода творчества. Эксперимент, поиск нового, освоение неизвестных поэтических горизонтов... В 1967 году в книге «Звезда полей» Н.М.Рубцов использует уже совсем другой тональный вариант стихотворения.

ЭЛЕГИЯ

Стукнул по карману – не звенит!
Стукнул по другому – не слышать!
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Память отбивается от рук.
Молодость уходит из-под ног.
Солнышко описывает круг–
Жизненный отсчитывает срок.

Но очнусь и выйду за порог,
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Стукну по карману – не звенит!
Стукну по другому – не слышать!
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

Сколько литературоведческих копий уже сломано в турнирах, доказывающих принадлежность этих последних двух строчек Рубцову или редакторам. Вопрос можно поставить и по-другому – пришлось ли с этим редакторским вариантом согласиться Рубцову или сам поэт предложил такой оптимистично – весёлый выход из этого элегичного стихотворения. Следуя фактам биографии Рубцова, следует сказать, что в Ялте он так и не побывал, а вот в дом творчества Дубулты в Прибалтике на март 1971 года заявление и правда написал, так как не собирался умирать в «крещенские морозы» января 1971 года (кстати, в 1971 в Ялте, согласно заявлению, отдыхала Людмила Славолубова, писатель-очеркист из Вологды).[3].

Давайте обратимся к воспоминаниям приятелей поэта об этом стихотворении

Хлопнул по карману
Не звенит.
Хлопнул по другому
Не слышать...

Вот так по утверждениям одних звучала строка Рубцова и только редакция заставила изменить правильное «хлопнул» на более литературное «стукнул». Что же эта точка зрения понятна. А вот как вспоминает это стихотворение Рубцова А.А.Ольшанский [4]. «Недавно я взял его сборник «Полудорожники», и многие страницы всколыхнули мою память. Я был одним из первых слушателей стихотворения «Стукнул по карману...». Однажды утром столкнулся с Колей в коридоре общежития Литинститута. С поэтами по утрам было встречаться небезопасно, поскольку многим из них хотелось кому-нибудь прочесть написанные ночью стихи. Была даже такая шутка: «Не стой на виду, а то переведу!»

Вполне возможно, что Рубцов в ту ночь вообще не спал, и ему хотелось попросту есть. Он прочёл концовку стихотворения, не без юмора названного «Элегией»: «Стукнул по карману – не звенит. Стукнул по другому – не слышать. Если только буду знаменит, буду неимущих похмелять!..» Последняя строка «То поеду в Ялту отдыхать...», потом появившаяся в сборниках, явно не рубцовская, придуманная редакторами. Последняя строфа выполняла роль своего рода колыбельки – предложения поесть-выпить в обстоятельствах, когда «не звенит». «Буду неимущих похмелять!..» – конечно же, обещание поддержать в трудную минуту друга-литератора». Александр Ольшанский сейчас преподаёт на Высших литературных курсах в Литературном институте, и его воспоминания чрезвычайно важны и документальны. Но записанного Рубцовым такого варианта не сохранилось, может это была шутка момента и только. Со временем написания стихотворения тоже не всё ясно. Какие-то ранние версии этого стихотворения вспоминает Валентин Сафонов, флотский друг Николая Рубцова [5]. «Это потом уже, годы спустя, в известном ныне всем стихотворении Рубцова «Стукнул по карману – не звенит...» появится пронзительная концовка:

Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

И возвышенно-грустное название своё – «Элегия» – обретёт это стихотворение позже. В таком виде, строго говоря, будет оно опубликовано на сотой странице сборника «Звезда полей», выпущенного издательством «Советский писатель» в 1967 году.

Мы, североморцы, услышали это стихотворение десятью годами раньше. Был у нас добрый обычай: каждое занятие литобъединения завершать чтением юмористических стихов, экспромтов, пародий и эпиграмм друг на друга, чаще всего сочинённых тут же, по ходу разговора. Молодые все были, зубастые, случалось порой, слово опережало мысль: где бы и подумать, помолчать – ан нет, спешишь высказаться...

Вот в такой как раз обстановке и прочёл Рубцов стихи, которым в будущем суждено будет стать «Элегией». И не было в ней, то бишь в них, в стихах, ни слова о Ялте: последняя строфа целиком повторяла первую, только глагол «полетели» стоял в настоящем времени. И «зенил» соседствовал с другим эпитетом: «безоблачный». Вот так читалось: «В коммунизм – безоблачный зенил улетают мысли отдыхать...»

Мы – три десятка моряков, лётчиков, солдат, военных строителей – восприняли это стихотворение как шутку, не более. А иначе и быть не могло. Давайте вспомним:

Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг –
Жизненный отсчитывает срок...

Очень уж не вязалась печальная наполненность этих строк с обликом автора – жизнерадостного морячка. Впрочем, даже не то, что не вязалась – противоречила ему». Итак, если верить Сафонову, то датировка написания «Элегии» 1962 год неверна. Впрочем, мы уже предупреждались о том, что Николай Рубцов мог просто датировать свою очередную версию стихотворения. Кому-то из приятелей

лей Рубцова нравятся строчки про Ялту, кто-то их не принимает. Иван Костин вспоминает [6] «Но первую свою популярность Николай завоевал всё же среди студенческого окружения исполнением своих песен-экспромтов, сочиненных как бы в шутку, но с явным вызовом официальной поэзии.

Однажды, когда я заглянул в его комнату на звук гармошки и голоса (он неплохо играл и на гитаре), он напевал такие строки, ставшие впоследствии широко известными:

Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
В коммунизм, в заоблачный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Стихотворение это под названием «Элегия» было впервые опубликовано в сборнике «Николай Рубцов» («Советская Россия», 1977 г.), в нём была «подредактирована» первая строфа: «Стукну по карману – не звенит. Стукну по другому – не слышать. В тихий свой таинственный зенит полетели мысли отдыхать». Согласитесь, это слабее, расплывчатее по мысли». Видите, тут вспоминается и «заоблачный» и «безоблачный» зенит, вариантов, видимо, было много, так и коммунизм был делом неизвестным доселе. Авторы воспоминаний иногда точно не знают, где и когда было опубликовано это стихотворение Н.М.Рубцова, ну да простим им, мы то всё знаем точно.

Далее вашему вниманию предлагаются воспоминания Бориса Укачина, в части касающейся этого стихотворения Рубцова [7]. » Всем ясно, жить на скудную студенческую стипендию трудно, поэтому в нашем общежитии быстро стало популярным стихотворение Рубцова, где были такие строки:

Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Правда, выпуская в издательстве «Советский писатель» в 1967 году свою первую московскую книгу «Звезда полей», автор счёл нужным заменить и уточнить некоторые слова из последних двух строчек. И, мне думается, поступил совершенно верно: у него был тонкий вкус к слову». Ну вот, Укачин уже более точен в воспоминаниях. Но повторюсь, нас интересует последняя строфа и отношение к ней. Это связано с вопросом многовариантности лирики Рубцова и с тем как же печатать его произведения.

Итак, можно сказать, что существуют две основные версии с различиями стихотворения «Элегия» («Стукнул по карману...») напечатанные в первом самиздатском сборнике «Волны и скалы» 1962 года и в лучшем сборнике Николая Рубцова «Звезда полей» 1967 года. Вариант из «Звезды полей» более известен и он подавляюще часто воспроизводится как стихотворение «Элегия» во всех вновь выходящих сборниках поэта.

Видимо то, о чём мы будем писать далее, в первую очередь будет интересно историкам литературы и литературоведам. Но ради этих наблюдений и новых данных писалась статья. Считаем, что Ленинградский период творчества Н.М.Рубцова, как бы к нему не относиться, невозможно выкинуть из его творческой биографии. Да, поэт экспериментирует, иногда на грани фола. Некоторые считают подобное стихосложение вершиной творчества Рубцова. Кто-то считает недопустимым и даже вредным печатать стихи из сильно недооценённого сборника «Волны и скалы» в полном объёме, дескать, они не характерны и не достойны высокого горизонта Рубцова. Но можно поставить вопрос и по-другому, помня слова В.И.Белова, начертанные на сборнике, который Борис Тайгин подарил вологодскому критику Василию Оботурову «Требуется переиздать миллионным тиражом». Нам дорого всё написанное Н.М.Рубцовым, и его творческая биография не должна страдать из-за идей и мнений. Она должна быть полной и документальной. Другое дело, что комментарии к ней должны быть объективные и беспристрастные.

Предлагаю вернуться к сборнику «Волны и скалы» и внимательно пробежаться по его содержанию. В разделе седьмом «Хочу – хохочу» давайте пристально вчитаемся в стихотворение «МУМ (марш уходящей молодости)» на странице 43. Стихотворение датировано Рубцовым апрелем 1962 года.

МУМ

(марш уходящей молодости)

Стукнул по карману, – не звенит:
как воздух.

Стукнул по другому, – не слышать.
Как в первом...

В коммунизм – таинственный зенит –
как в космос,
полетели мысли отдыхать,
как птички.

Но очнись и выйду за порог,
как олух.

И пойду на ветер, на откос,
как бабка,

о печали пройденных дорог,
ак урка,

шелестеть остатками волос,
как фраер...

Память отбивается от рук,
как дура.

Молодость уходит из-под ног,
как бочка.

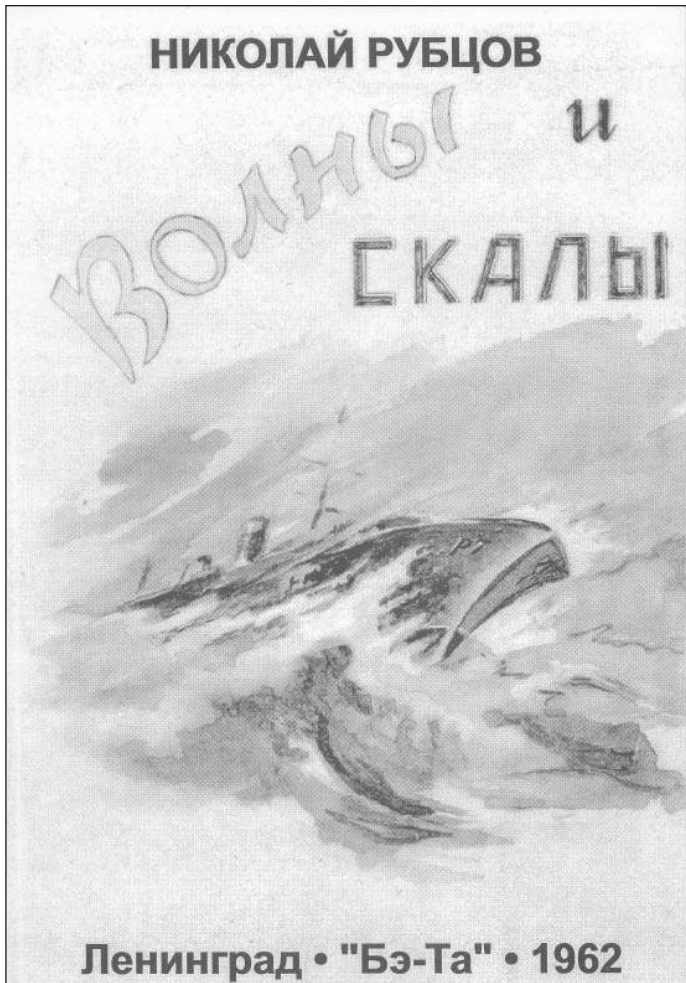
Солнышко описывает круг,
как сука, –

жизненный отсчитывает срок...
Как падла!

Ленинград, апрель, 1962

Это по сути та же «Элегия», но какой-то хулиганский вариант бесшабашного поэта, который следует читать в определённой аудитории, вслух и обязательно со сцены. Согласен, не всем он придётся по вкусу, некоторые считают его недостойным таланта Рубцова и не стоящим никакого разбора. Но зачем то же молодой поэт включил его в свой сборник. Вот как Б.И. Тайгин вспоминает о работе над книгой [8].

«В свете нашего замысла об издании его книжки стихов, Николай в скором времени обещал снова зайти ко мне. Я немедленно приступил к печатанию на машинке оставленной им подборки стихов, получая при этом настоящее эстетическое удовольствие, настолько стихи его были великолепны! В течение полутора месяцев (июнь и пол-июля) Николай бывал у меня довольно часто, имея с собой новые стихи, новые мысли и конкретные предложения по изданию его книжки. Вероятно, он периодически возвращался к доработке текстов ранее написанных им стихов, исправляя и переделывая в них отдельные строки и даже целые строфы, постоянно улучшая стих до классического образца... Была ли эта практика случайной, или он постоянно так работал, доводя свои стихи до совершенства, сказать не берусь, но в период печатания его книжки стихов, мне приходилось неоднократно перепечатывать заново уже готовые страницы, т.к. в тексты многих стихов Николай вносил, иногда в один и тот же стих неоднократно, разные изменения... Если изменения были значительны, менялась дата написания стиха!» На лицо очень серьёзная редакторская работа Тайгина и неподдельный интерес и ответственность Рубцова. Нечего лишнего, того чего бы Николай Рубцов не хотел видеть в сборнике, в нём просто появиться не могло. Почему же две версии одного и того же по сути стихотворения оказались в этом сборнике. Если отбор в «Волны и скалы» был ответственным, то, что это: небрежность или недосмотр поэта и издателя? Думается, нет. Считаю, этот шаг Николая Рубцова распутием. Вот она дорога экспериментов, авангарда, может быть полных залов поклонников, созвучные времени «оттепели» в политике стихотворные строки «МУМ». Можно двигаться по этой до-

*Обложка сборника «Волны и скалы». Рисунок Н. Рубцова.
На рисунке не боевой корабль Северного Флота,
а рыболовецкий траулер РТ-20 «Архангельск»
по памяти нарисованный поэтом.*

роге, конечно совершенствуя тематическое мастерство и далее успех на этом пути. Рубцов это понимает и пишет в предисловии к сборнику «Волны и скалы».

«В этот сборник вошли стихи очень разные. Весёлые, грустные, злые. С непосредственным выражением и с формалистическим, как говорится, уклоном. Последние – не считаю экспериментальными и не отказываюсь от них, ибо, насколько чувствую, получились они – живыми. Главное – что в основе стиха. Любая «игра» не во вред стихам, если она – от живого образа, а не от абстрактного желания «поиграть». Если она – как органическое художественное средство. Это понятно каждому, кто хоть немножко «рубит» в стихах» Но в том, же предисловии

«В жизни и поэзии – не переносу спокойно любую фальшь, если её почувствую.

Каждого искреннего поэта понимаю и принимаю в любом виде, даже в самом сумбурном.

По-настоящему люблю из поэтов-современников очень немногих.

Чёткость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благотворным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов. Это – характерный знак времени. Пока что не чувствую этот знак и на себе». Размышления Рубцова интересны, но содержание сборника интересней не менее. «Вместо предисловия», в начале книги, Николай Рубцов печатает классический (пусть и первый) вариант «Элегии», а «МУМ», экспериментальный вариант, только в конце, в разделе «Хочу – хохочу» как бы уже не в серьёзной, не в актуальной для него позиции. Посвятив «Элегию» брату Алику Николай предначертал себе другой путь, выбранный сознательно – дорогу русской классической поэзии и в ней он видит своё будущее. Свою светлую печаль и свою любовь к родному краю, к России поэт выплеснет в стилистике великих русских поэтов. Рубцов уже тогда осознанно выбирает прямой и понятный поэтический удел Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Бунина. Не знаю, насколько убеждает это наблюдение, но вот ещё один характерный штрих рубцовского перепутья. Рубцов заканчивает сборник «Волны и скалы» разделом «Вместо послесловия». В нём одно стихотворение «Лесной хуторок» (идиллия), а это тоже первый вариант стихотворения «Добрый Филя», которое считается наиболее рубцовским в раннем периоде творчества поэта. Расставаясь с читателями, Николай Рубцов расстаётся и с иллюзиями эстрадной поэзии, и заявляет о переходе к так знакомому и ценимому духовному содержанию своих стихов. Из стихотворения «МУМ» Николай Рубцов убирает слишком уж непоэтичную последнюю строфу.

...Стукнул по карману – не звенит:

Как воздух.

Стукнул по другому, – не слышать.

Как в первом...

За туманом – не видать зенит:

Как в море.

И невольно вспомнишь слово «мать» -

Как ругань! ...

Спасибо Борису Ивановичу Тайгину, что сохранил для истории литературы эту страничку. Её прислал автору материала С.А.Першин, краевед, исследователь, библиофил из города Дзержинска Горьковской области. Сам он получил её от Тайгина 5.07.2002 года. И если у Рубцова были такие верные друзья и остаются такие верные поклонники, то шансы разобраться в его поэтическом феномене сохраняются высокие.

Понимаю всю серьёзность следующего заявления. Получается, что вначале своей поэтической карьеры, при печатании сборника «Волны и скалы», Н.М. Рубцов уже применил тот принцип, по которому автор данного материала тоже хотел бы, чтобы публиковали стихи Рубцова – МНОГОВАРИАНТНОСТЬ. Это важнейшее качество произведений поэта, а значит надо печатать все возможные версии стихов Рубцова, как он сам уже делал это в «Волнах и скалах». Итак, публикацией в одном сборнике двух версий одного стихотворения Николай Рубцов как бы провозглашает свой манифест. Проститься с экспериментами в поэзии в тексте «МУМ», а в «Элегии» объявить основной принцип своих последующих стихов элегичность, светлую печаль о том, что было, и что есть в действительности, но могло бы быть по-иному.

Рубцов сам провозглашает принцип многовариантности своих стихов, и в сборнике «Волны и скалы», возможно в спорах с Тайгиным ему удалось его отстоять. Что касается следующих офици-

Редкая фотография Н.М.Рубцова, как нельзя лучше иллюстрирующая содержание стихотворения «Элегия». Рядом с Николаем Рубцовым за столиком поэт Игорь Ляпин.

альных сборников, то вряд ли редакторы прислушивались к мнению Рубцова, и многовариантность осталась только в черновиках (которых сохранилось относительно немного) и в архивных документах, которых с этой точки зрения ещё никто не изучал. Мною уже предлагалось печатать лучшие варианты и версии известных стихов поэта [9]. Они заслуживают того по чисто художественному принципу, а кроме того неизвестные версии стихов поэта поднимут интерес к его творческому наследию. Как известно, только чуть более четырёхсот стихотворений оставил нам великий поэт, а за счёт вариантов количество стихов намного увеличится. Конечно, это надо делать не во всех сборниках, а только для любителей, понимающих в стихотворном труде. Может быть не нужно делать этого постоянно, но отказываться от этой идеи многовариантности стихов Н.М.Рубцова, провозглашённой им самим, ни в коем случае нельзя.

Примечания: 1. ГАВО (Государственный архив Вологодской области), ф.51, оп.1, ед.фр.280, л.1.

2. ГАВО, ф. 51, оп. 1, едхр. 280, л. 3.

3. Л.Вересов «Страницы жизни и творчества поэта Н.М.Рубцова» Вологда 2013. Стр.291. Заявление директору Литфонда СССР М.Тараканову от 24 декабря 1970 года.

4. А.Ольшанский «Спокойных звёзд безбрежное мерцанье». «Парламентская газета» 01.01.2001.

5. В.Сафонов «Иметь большую цель». «Воспоминания о Рубцове» СЗКИ. Архангельск. 1983.

6. И.Костин «Россия, Русь! Храни себя, храни!». «Карелия» № 9, 25 января 2001.

7. Б.Укачин «Гори, сияй, звезда его полей! «Сибирские огни» № 2 1984.

8. Б.Тайгин «Ленинградский год Николая Рубцова» Воспоминания. «Н.М.Рубцов «Волны и скалы» Бэ – Та, СПб, 1998.

9. Н.Рубцов «Мачты». Вологда, 2014. Проект литературной реконструкции Леонида Вересова.